

УДК 130.2

УНИВЕРСИТЕТ КАК ИНСТИТУТ ПРОИЗВОДСТВА НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОГО ЗНАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМАХ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

В.С. ИГНАТОВА¹¹
Н.Н. ШАМАРДИН²¹

<sup>11) Белгородский государственный
институт искусств и культуры</sup>

e-mail: v_ignatova@mail.ru

<sup>21) Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет</sup>

e-mail: schamardin@mail.ru

Основной целью настоящей статьи является исследование проблемных точки развития современного университета (прежде всего, университета научно-инновационного типа) в плане выявления благоприятных условий и институциональных оснований для производства нового научного знания и его трансляции в учебный процесс и региональное культурное пространство в перспективе международных культурных коммуникаций.

Ключевые слова: образование, университет, инновации, регион.

Социокультурный конфликт и разрывы, порождаемые инновационной динамикой как энергетическим ядром индустриальной цивилизации, постоянно воспроизводятся не только на уровне вертикальных иерархий социокультурных систем, но и в антропологическом горизонте повседневного человеческого бытия, что является внутренним двигателем индустриализма, главным фактором нестабильности и гиперподвижности нашего общества и культуры, основанных на инновационно-технологической экономике. Значит ли это, что мы должны отказаться от научно-технического развития и соответствующих инноваций, как полагают некоторые консерваторы-фундаменталисты и антиглобалисты-романтики?

Попытка разрешения социокультурного конфликта и снятия всех экзистенциальных парадоксов и антиномий человеческого бытия в условиях индустриальной цивилизации и приводит не к некоторому «третьему пути», а к глобальному *тоталитарному проекту*, который в XX столетии выступил с претензией на новый культурно-цивилизационный путь человечества. Тоталитаризм как еще один «вывих» в культурной онтологии человечества возник в недрах индустриальной цивилизации в результате углубления глобального кризиса после Первой мировой войны как попытка его разрешения. Искусственное соединение всех предшествующих социальных технологий при доминировании научно-автоматических, эклектический синтез по антисистемному принципу всех предшествующих оснований бытия человека привели к воплощению тоталитарного проекта в жизнь. Фантастические трансформации претерпевает весь цивилизационный базис¹. Несомненно, что в странах тоталитаризма, особенно в СССР, были получены невиданные научные и технические инновации (освоение космоса и ядерной энергии), но они, к сожалению, были связаны, прежде всего, с военно-промышленным комплексом и гонкой вооружений.

И, наконец, на рубеже XX и XXI столетия, складывается тип глобальных культурно-цивилизационных систем, который определяется в терминах «постиндустриализм», «информационное общество», «третья волна», «общества знаний», «постмодернизм», «глобализация» и т.п., что говорит пока только о *проективности* данных систем (именно систем). Возможные реализации культурно-цивилизационных проектов этого типа и определяют в ближайшем будущем глобальные культурно-исторические сдвиги (или срывы и разрывы?).

Таким образом, мы видим, что *принцип инновационности*, креативно-творческой и креативно-репродуктивной деятельности человека, заложенный в механизмы сопря-

¹ Подробнее см.: Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997; Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. Белгород: БелГУ, 1998.

жения «культуры» и «цивилизации», присутствовал на протяжении всей культурной онтологии человечества, связан с воспроизводством человека во всех культурно-исторических типах образования, подготовки интеллектуальных кадров. Но именно в нашем подвижном мире инноватика становится экзистенциальной предпосылкой сохранения самого человека, реформы всей системы подготовки научно-педагогических и, шире, интеллектуальных, культурных кадров. В эпоху постиндустриализма (гипериндустриализма?) меняется не только характер социальных и научных инноваций, механизмы их внедрения в промышленные, социальные и интеллектуальные технологии, но в повестку дня становится реформа всех институтов подготовки научных и педагогических кадров, с учетом новой социокультурной динамики.

Говоря о постиндустриализме, мы обращаем внимание, прежде всего, на инновационные открытия и технологии не только в производстве, но и в *повседневной жизни человека*. Об этом писал Э. Тоффлер, утверждая необходимость «объединения новых технологий – компьютеров, электроники, новых материалов из открытого космоса и глубин океана – с генетикой и всего этого, в свою очередь, с новой энергетической базой. Соединение этих элементов вместе высвободит поток инноваций, непохожий ни на что виденное прежде в истории человечества. Мы создаем драматически новую техносферу для Третьей волны цивилизации»². Однако, культурные и научно-технологические инновации развитого индустриализма порождают и специфическую антропологическую проблематику, которую необходимо учитывать в процессе применения тех или иных технологий в контексте инновационной парадигмы «нового мира». Уже говорят о возможном появлении «конвергентных технологий»³ (нано- и биотехнологии, информационно-коммуникативные и интеллектуально-когнитивные технологии и т.д.), о грядущем научно-технологическом торжестве «трансгуманизма»⁴. Синергетический эффект может дать сочетание социальных инноваций с применением новых постиндустриальных технологий, что в ближайшем будущем может привести на смену «индуст-реальности» некоей «киберреальности» или «нанореальности».

Именно в этой сфере «нанореальности» или «нанотехнонауки» (В.И. Аршинов) идет, на наш взгляд, процесс *трансформации и человека, и самой научно-инновационной культуры*: на Западе и на «продвинутом» Востоке, весьма успешно развивающемся бизнес, науку и инновации, в отличие от нас уже давно, как грибы, растут наукоемкие предприятия и «фирмы умников» (Э. Тоффлер), основанные на принципах *креативного генерирования* и использования *научно-инновационного* и *управленческого многообразия*. Это связано, прежде всего, с условиями производства и хранения нового знания, информации и инновационных технологий как предпосылки создания *неиерархических коммуникационных сетей*.

Исходя из этого, Э. Тоффлер и вводит понятие «гибкая фирма», которое как нельзя лучше характеризует предприятия «третьей волны» постиндустриализма, использующие в своей деятельности не только новые научные знания и технологии, но и инновационные, креативные формы менеджмента в позиционировании на рынке, взаимодействии с партнерами и во внутрифирменной управленческой культуре. Эти фирмы построены, как отмечает О. Тоффлер, на использовании «новой информационной парадигмы», требующей от традиционного менеджмента создания новых форм антибюрократического управления и организации в фирмах будущего. Он дает целый веер таких организационно-управленческих форм: семейные фирмы (кстати, в сфере российской науки и образования очень часто оставались и остаются молодые люди, продолжающие «династические традиции»), пульсирующие и двуликие организации, организации шахматной доски, самозарождающиеся команды, комиссарские организации и т.п.

² Э. Тоффлер. Третья волна. М., 2002. С. 253.

³ В.И. Аршинов. Инновации, традиции, архаика как ценностные компоненты системы культуры в ее синергетическом измерении // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационные начала, 4-я Всероссийская конференция, 27-28 мая 2009 г. (Москва-Белгород). М., 2010. С. 17-26.

⁴ См.: Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (145). – Вып. 23. Белгород, 2013. С. 5-17.

Но все эти *концептные метафоры*, схватывающие пока категориально плохо выразимую реальность новой цивилизации, так или иначе, вписываются в *сетевую инновационную парадигму управления* бизнесом и наукой (по сути информационную), образованием и другими социальными институтами и структурами.

На наш взгляд, управление современными инновационными предприятиями и организациями, в том числе отраслевыми и корпоративными НИИ, структурами РАН и университетами, должно строиться не только по принципу вертикальной, но, прежде всего, сетевой, горизонтальной структуры, что подразумевает развитие в контексте системно-синергетической методологии *принципа подвижной иерархии*, наиболее отвечающего категоризации инновационных, креативных парадигм современного мира.

Важное место в становлении новых цивилизационных парадигм, опирающихся, как мы считаем не столько на инновации в культуре, сколько инновации-репродукции в технологиях и научном знании в рамках устоявшихся, «нормальны научных парадигм» (Кун) принадлежит университетам. Это отражает тот процесс глобализации науки, образования, конвергенции технологических и социальных базисов стран с различными политико-правовыми, политико-идеологическими и культурными системами, который в свое время был впервые отрефлексирован в нашей стране в рамках диссидентской парадигмы теории конвергенции.

Вообще надо отметить, что теория конвергенции, которую развивали на Западе некоторые советологи, а в СССР диссиденты (А.Д. Сахаров), имела под собой достаточные основания, так как время показывает, что мы развивались (и развиваемся!) в рамках одних и тех же *индустриальных, модернизаторских парадигм*. 90-е годы, с обрушением развитой советской экономики и собственной нашей «цивилизации знаний»⁵, только подтвердили это.

Однако не только у нас произошла *демодернизация и деиндустриализация* в результате социально-политической трансформации, как всегда по-русски непродуманной и стихийной. Она наблюдается и на Западе, где демодернизация и деиндустриализация была вызвана такими причинами, как политико-идеологические либеральные иллюзии «постиндустриализма» и «глобализации»: «глобальное паразитирование» стран «золотого миллиарда» (теперь говорят и о «полумиллиарде»!) за счет развала СССР и ресурсов Ближнего Востока дало лишь превращенные, мнимые формы «постиндустриализма» и «общества знания». Даже в США заговорили о необходимости реиндустриализации, сохранении и даже возрождении собственной индустрии, но уже на новых технологических основаниях.

Сейчас очевидно, что так называемый «постиндустриализм» (гипериндустриализм?) проявился не столько в виде доминирования в экономике развитых стран научно-инновационного сектора и сектора «производства знаний», а в форме «экономики потребительства», в том числе и за счет непропорционального, необоснованного кредитования потребностей населения и даже целых стран: мировой финансовый кризис конца нулевых годов XXI века и донныне вялотекущий кризис и стагнация еврозоны – тому подтверждение.

Это обусловило и тот факт, что проблемы в образовании на Западе оказались *типологически схожи* с проблемами кризиса образования и в постсоветской России. Нам сейчас важно обобщить не только свой собственный опыт выживания в условиях кризиса «постиндустриализма» и демодернизации, но и опыт западных (США и Европа) и восточных (Китай, Индия, Япония) миросистем.

В эпоху *разрыва с индустриализмом* меняется не только характер культурных и научных инноваций, механизмы их внедрения в промышленные, социальные, креативные и интеллектуальные технологии, но в повестку дня становится реформа всех институтов подготовки научных и педагогических кадров, с учетом новой социокультурной динамики и потребностей экономики «общества знания».

⁵ См.: Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В. СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. М., 2010.

К концу XX века с *неустойчивостью развития* в современном индустриальном мире столкнулись *все университеты мира*. Можно выделить две основные точки зрения на судьбы университетов.

Первая из них, которую можно обозначить как скептически-стоическую, наиболее полно представлена в книге Билла Ридингса с символическим названием «Университет в руинах»⁶. Скептицизм и стоицизм – это не только две эпистемологические и этические стратегии книги, но и общая абстрактно-философская позиция автора. Б. Ридингс исходит из того легко диагностируемого факта, что научный университет «гумбольтовского типа» (хотя он чаще и справедливо говорит о «немецкой модели», заданной классическим немецким идеализмом) в глобальном мире умер. «Гумбольтовский университет» с его установкой на развитие горизонтальных связей «профессор – студент», «научное исследование – преподавание», «производство (критическое и творческое) нового знания – трансляция нового знания студентам как субъектам гражданского общества», а тем самым и далее – в культуру зрелого модерна, где оно выполняет роль «большого нарратива», идеологии, легитимирующей нацию-государство и формообразующей национальную культуру в глобализирующемся мире умер.

Ему на смену пришел «университет совершенства», где упор делается не на «новое знание», а на его доведение до совершенства, формальную технологизацию и репродукцию; где на место ректора как «первого среди равных профессоров» стал администратор на вершине иерархии новой академической власти. Горизонталь классического университета превратилась в вертикаль, в которой студенты и профессора заняли подножие пирамиды, а «академический менеджмент» занят репродукцией эпистемологической и технологической эффективности, оцениваемой в пиар-индикаторах и маркетинговых рейтингах, позволяющих университету войти в глобальный рынок инновационно-образовательных услуг и зарабатывать деньги.

Университет превратился в транснациональную бизнес-корпорацию, которую больше не интересует национальная культура и национальное государство, а лишь некие абстрактные «ценности», производимые фактически для собственного использования. «Иными словами, – пишет он, – апелляция к совершенству означает, что больше нет никакой идеи Университета, или скорее, что эта идея утратила все свое содержание. Будучи нерепрезентативной единицей ценности, функционирующей целиком внутри системы, совершенство обозначает лишь момент саморефлексии технологии... Сегодня Университет – это точно такой же паразитический нарост на ресурсах, как биржа или страховые компании – наросты на промышленном производстве. Подобно бирже Университет является местом самопознания капитала, он позволяет капиталу не просто управлять рисками или разнообразием, но извлекать из этого управления прибавочную стоимость. В случае Университета данное извлечение является результатом спекуляции на разнице в информации»⁷. Мы не будем спорить о природе «глобализации» и судеб «нации-государства», но отметим, что при всей привлекательности некоторых выводов Б. Ридингса, его позиция сама характеризуется неким абстрактным позиционированием университета, который он почему-то номинирует все время с заглавной буквы. Нет «университета вообще», как и не было его «гумбольтовской модели» в чистом виде.

В этом плане нам больше импонирует другая точка зрения, представленная в исследованиях Бертона Кларка, американского специалиста по социологии и философии образования, в которых он методом анализа индивидуальных ситуаций с конкретными университетами (кейс-стади) в разных культурно-цивилизационных ареалах и странах вроде бы описал схожие тенденции в науке и университетском образовании, но сделал другие выводы⁸. Это оптимистическая и реалистическая точка зрения на судьбы современных *университетов*. Именно так – во множественном числе и с прописной буквы.

⁶ См.: Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М., 2011; Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011; Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций. М., 2011.

Еще в 80-е годы XX века он, отмечая определенную устойчивость и консервативность в академических структурах университетов, зафиксировал наметившиеся изменения и трансформации в сторону усиления административной составляющей и самостоятельности (и состоятельности) в финансовой сфере. Однако, он отмечал именно разнообразие трансформаций, происходящих с университетами в современном мире. Во-первых, не было и не может быть какой-либо одной унифицирующей «модели университета»: *сколько университетов – столько и путей развития, столько и судеб.*

Во-вторых, сам «гумбольтовский университет» претерпел определенные исторические трансформации за 200 лет (здесь мы добавим некоторые свои соображения): он сохранял «горизонтальную структуру» производства знания и управления даже в условиях тоталитаризма*; только после Второй мировой войны (начало НТР), когда государственное финансирование стало доминирующим не только в странах социализма, но и на Западе, управление становится иерархизированным, что и вызвало взрыв студенческих революций в университетах против Системы и соответствующий гуманитарно-философский дискурс (концепт «власть – знание» Фуко). Но не столько студенческие бунты, сколько мировой экономический кризис и новая компьютерная технологическая революция («информационная парадигма») с последующим сокращением государственного финансирования вузов *во всех регионах мира*, заставили университеты перейти вначале от «научной модели» к «инновационной», а затем и к открыто «предпринимательской»*.

Б. Кларк так описал ситуацию на Западе в 1980-е – первой половине 1990-х гг.: «По мере того как в последней четверти XX столетия перед нами возникали все новые и новые трудности, *высшее образование утрачивало всякую устойчивость, которой он, вероятно, никогда не обладало* (выделено нами – авт.). Поскольку запросы вряд ли будут когда снижаться, возвращение к некоему устойчивому состоянию невозможно... Правительства ожидают, что университеты будут больше помогать обществу в решении социальных и экономических проблем, но в то же самое время колеблются в том, что касается финансовой поддержки, и становятся ненадежными партнерами. И самое главное: исследовательская база университетского мира с огромной скоростью создает новые знания и методы, последовательно увеличивая количество специальностей и расширяя спектр дисциплинарных и междисциплинарных областей... Угодив в силки производства знаний, даже самые богатые учебные заведения неспособны вместить весь спектр старых и новых областей»⁹. При этом, как считает Б. Кларк (мы во многом это разделяем) вряд «гумбольтовская модель» и связанные с нею культурные миссии производства национально-культурных «больших нарративов» умрут. Некоторые университеты предпочтут институциональную стагнацию (это относится ко многим нашим региональным вузам), другие разовьют некие гибридные формы (и это во многом судьба наших наиболее продвинутых университетов). И только некоторые предпочтут судьбу «устойчивых изменений» и производства инноваций в университетах: эпистемологических, аксиологических, управленческих, коммуникативных, финансовых и т.д.

Можно отметить, что те болезненные, вызывающие критику реформы образования в нашей стране (прежде всего, высшего, связанного с подготовкой научно-педагогических кадров нового поколения), имели место во всем мире, может быть, лишь немного опередив наши институциональные трансформации в образовании и культуре.

Дело в том, что как бы ни были развиты США и страны ЕС в индустриальном плане, вряд ли можно с уверенности сказать, что они «завершили» постиндустриальную модернизацию, соответственно, реформу науки и образования. Там идут такие же процессы преобразования «старых», «классических», «научно-образовательных» универси-

* Периодическая сменяемость и выборность ректоров в фашистской Германии; определенная автономия университетов (особенно в низших академических звеньях) и академической науки в СССР.

* Сам Б. Кларк считает, что это почти одно и то же, предпочитая говорить о «предпринимательских университетах», как наиболее адаптивной модели в современном неустойчивом, глобальном мире.

⁹ Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011. С. 11.

тетов в университеты нового поколения – *научно-инновационные (предпринимательские) университеты*. Мы и в этом направлении только были заторможены «перестройкой», «демократическими реформами» 80/90-х годов прошлого века и выстраиванием «вертикали власти» в начале нынешнего столетия. Но перед нами стоят *те же самые задачи* в пространстве постиндустриальной модернизации (культурной, социальной, промышленной и интеллектуальной), предполагающей реформирование всей системы подготовки (и непрерывной переподготовки!) научно-педагогических кадров.

В университетах мира за двадцать лет до начала развития нашего университета сложилась управленческая практика взаимодействия старого «академического оплота» и новой «инновационной (предпринимательской) культуры», которая заключается в том, что управленческие усилия университетской *администрации* органично согласуются с демократическими и креативными усилиями *авторитетных преподавателей и ученых всех направлений*, как естественнонаучных и инженерных, так и социально-гуманитарных. Это связано и с междисциплинарными исследованиями, и с экспертными институциями, и с развитием коммерческих структур и инициатив во всех звеньях «академического оплота», в том числе даже в самых «гуманитарных», которые первоначально поддерживаются за счет «перекрестного» компенсационного финансирования¹⁰. Создание в нашей стране в последние годы «национальных исследовательских университетов» (в том числе и НИУ «БелГУ») вполне соответствует запросам культурно-цивилизационного развития желанного во всем мире постиндустриализма.

Б. Кларк помимо традиционного *базового академического оплота* классического типа духовного производства (это традиционные кафедры, отделения, факультеты и лаборатории, работающие на уровне стандартных образовательных программ, производящие и транслирующие новое знание и технологические «компетенции») выделяет *пять системно-структурных, институциональных оснований* (элементов), необходимых для трансформации университета старого, «классического» (модернистского) типа в новый тип производства знания – **инновационный (предпринимательский) университет**:

- *Усиленное направляющее ядро*, состоящее из сильного менеджмента и центральных управленческих групп, которое согласовывает новые управленческие ценности с традиционными академическими (прежде всего, за счет привлечения в «группы управления» авторитетных ученых и преподавателей и согласования нового менеджмента с академическим самоуправлением);
- *Расширенная периферия развития*, предполагающая рост структурно-институциональных единиц, способных выйти во внешнюю среду, прежде всего промышленную, с целью создания новых научно-инновационных продуктов и системы нового непрерывного образования (это основная сфера «зарабатывания денег» в новых условиях);
- *Диверсифицированная база финансирования*, которая складывается за счет структур, реализующих взаимодействие а) с государственными и общественными фондами, отвечающими за гранты и контракты, б) центральными, местными органами, благотворительными фондами и пожертвователями, в) населением и коммерческо-производственными компаниями, потребляющими научно-инновационные и образовательные услуги;
- *Стимулирующие академические структуры*, которые возникают как на основе институтов и дисциплинарных программ академического оплота (кафедр, факультетов)*, так и на переформатированном академическом поле (прежде всего, развитие междисциплинарных, кластерных образований, что в России получило начало в УНИКах – учебно-научных инновационных комплексах), позволяющих производить инновационные научные и образовательные продукты (и приносить новые доходы!) даже традици-

¹⁰ Подробнее см.: Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011; Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций. М., 2011.

* Б. Кларк пишет: «Если базовые единицы выступают против потенциальных инноваций или остаются к ним равнодушными, институты продолжают жить по старому» // Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011. С. 24-25.

онно ориентированным преподавателям, структурам и программам, в том числе *и социально-гуманитарным*.

• *Интегрированная предпринимательская культура*, предполагающая разработку и наличие в университете четкой стратегии развития (*институциональная перспектива*), сопряженной с формированием институциональной идентичности (миф, развивающий идею-миссию), особой репутации и корпоративной аксиологии, что и предполагает целую систему PR-технологий и формирование *позитивного имиджа университета*.

В большинстве европейских университетов остаются «факультеты», как дань вековой традиции, хотя они выполняют, например, в Великобритании, иную функцию (подготовка магистров и докторов).

Во-вторых, в плане управления постиндустриальное общество и научно-инновационная экономика требуют не «вертикальной иерархии» и «подведения всех под единый управленческий алгоритм», а *«горизонтальных отношений»*, *самостоятельности и поддержки творческой инициативы*. Это тем более актуально для научно-инновационного, предпринимательского университета.

Далее мы, опираясь на контент-анализ информационных ресурсов и представленных там документов наших ведущих и периферийных университетов¹¹, попытаемся рассмотреть проблемы, стоящие перед нашей системой высшего образования, в том числе и в плане культурных инноваций, прежде всего, в локальной, региональной среде.

В 90-е годы прошлого века ряд вузов нашей страны, ранее имевших статус «институты» (это и педагогические, и инженерно-технологические институты), пошли по пути интеграции и превращения в «университеты», укрупненные и усиленные научно-образовательные и научно-инновационные комплексы, часто получавшие статус «классических университетов». Это наблюдалось в конце 80-х и начале 90-х годов прошлого века и на Западе.

В качестве примера можно привести опыт создания Тульского государственного университета и Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, которые возникали путем объединения нескольких вузов-институтов. Насколько органичным был этот путь, покажут уже ближайшие годы, но пока в приведенных двух университетах не заметны особенные прорывы.

Большинство других вузов пошли по облегченному сценарию. Они просто переименовали себя в «университеты», классические или технологические. Это, например, путь Курского государственного университета (бывший педагогический институт), Юго-западного государственного университета (бывший Курский политехнический университет) и Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова, ранее готовившего для страны уникальные кадры для строительной индустрии. И если последний вуз действительно выиграл от «пассионарного заряда» нового символического статуса (это символический капитал в новой «инновационной экономике»), то на примере курских вузов мы этого не замечаем.

В начале нового века российские реформаторы, озабоченные выживанием нашей системы высшего образования в глобальном мире научных инноваций и развития глобального рынка образовательных услуг, пошли по пути создания огромных «федеральных университетов». На примере Южного федерального университета, который с середины 70-х годов прошлого века был одним из самых динамичных институтов научного обновления и подготовки научно-образовательных кадров, когда ректор Ю.А. Жданов смог создать вокруг новых и традиционных факультетов, «академического оплота», огромный научно-индустриальный комплекс в виде системы прикладных НИИ, успешно интегрировавших фундаментальные исследования «академического оплота» в прикладные технологии. Но мы теперь видим, как Южный федеральный университет, укрепленный Таганрогским радиотехническим институтом, не столько сделал рывок на научно-инновационном и научно-образовательном рынках страны, сколько растерял советский потенциал классического университета научного типа. Новая команда «эффективных менеджеров», прошедших выучку в Министерстве образования и науки РФ, пока только выстраивает собственную внутреннюю «вертикаль власти».

¹¹ См.: Библиография. Раздел «Электронные ресурсы».

И, наконец, как мы отмечали выше, Россия пошла по пути создания «исследовательских университетов», которые, как и «федеральные», обрели и статусную, но и финансовую капитализацию. Некоторые из них почти ничего не меняли в своем структурно-институциональном статусе, так как были готовы к переходу на инновационный путь развития (например, бывший Томский политехнический университет и Томский государственный университет, получившие статус «исследовательских»).

Список литературы

1. Аршинов В.И. Инновации, традиции, архаика как ценностные компоненты системы культуры в ее синергетическом измерении // Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационные начала, 4-я Всероссийская конференция, 27-28 мая 2009 г. (Москва-Белгород). М., 2010.
2. Борисов С.Н., Римский В.П. Тертуллиан, медиа и трансгуманизм: онтология свободы и антропология насилия в постсекулярном мире // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №2 (145). – Вып. 23. Белгород, 2013. – С. 5-17.
3. Кара-Мурза С.Г., Осипов Г.В. СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина. М., 2010.
4. Кларк Б.Р. Поддержание изменений в университетах. Преемственность кейс-стади и концепций. М., 2011.
5. Кларк Б.Р. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. М., 2011.
6. Кларк Б.Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М., 2011.
7. Ридингс Б. Университет в руинах. М., 2010.
8. Римский В.П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. Белгород, 1997; Римский В.П. Тоталитарный Космос и человек. Белгород: БелГУ, 1998.
9. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.

UNIVERSITY AS AN INSTITUTION OF PRODUCTION OF THE SCIENTIFIC INNOVATIONAL KNOWLEDGE IN REGIONAL SYSTEMS OF EDUCATION AND CULTURE

V.S. IGNATOVA¹⁾
N.N. SCHAMARDIN²⁾

*¹⁾ Belgorod State Institute
for Arts and Culture*

e-mail: v_ignatova@mail.ru

*²⁾ Belgorod National Research
University*

e-mail:schamardin@mail.ru

The general goal of the paper is to discuss the issues of development of contemporary universities, firstly, scientific innovational ones. The plot is observed in terms of conductive circumstances and institutional grounds for production the new scientific knowledge and its implementation into the educational process and regional cultural spheres in perspective of international cultural communications.

Key words: education, university, innovations, region.